

Шаховский 1998 — Шаховский В.И. Голос эмоции в русском политическом дискурсе // Политический дискурс в России — 2. Материалы рабочего совещания 29 марта 1998 года. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 79 — 83.

Шенберг 1991 — Шенберг В.А. Полемика как способ духовного противоборства. Л.: Знание, 1991. 32 с.

Darou 1978 — Darou W.G. Personality and Verbal Abuse // Maledicta, 1978. P. 178 — 186.

Hughes 1991 — Hughes G. Swearing: A Social History of Foul Language, Oaths and Profanity in English. Oxford: Blackwell, 1991. 283 pp.

Kiener 1983 — Kiener F. Das Wort als Waffe. Zur Psychologie der verbalen Aggression. Vandenhoeck ' Ruprecht in Goettingen, 1983. 304 S.

Manchester 1993 — Manchester W. A World Lit Only by Fire. The Medieval Mind and the Renaissance. Boston e. a.: Little, Brown ' Co, 1993. 322 p.

В статье использованы также материалы газет «Аргументы и факты», «Московские новости», «Известия», «Не дай Бог!», «Советская Россия», «Завтра», «Правда», «Лимонка», «Экспресс-газета», «Северный рабочий» за разные годы.

Н.Д. Голев

ОБЫГРЫВАНИЕ РУССКИХ ТАБУИЗМОВ В ФОЛЬКЛОРНЫХ МЕТАТЕКСТАХ

В данной статье рассматриваются народные речевые произведения метаязыкового¹ содержания, относящиеся к русскому лингвистическому фольклору. Это интереснейшая сфера народной речи и эстетики, мало изученная лингвистикой и фольклористикой, хотя значимость ее велика и проявляется в разных аспектах: психолингвистическом, лингвокультурологическом, семиотическом, лингводидактическом² и др.

Приведем несколько популярных примеров разных типов обыгрывания языковых единиц в различных жанрах.

Обыгрывание омонимии названий звуков (букв) и знаменательных или служебных слов: *Расшифруй ДУ-НЯ*. После неудачных попыток предлагается авторская расшифровка: *Дураков У нас Нет...*, которая провоцирует вопрос: *А «Я»? (= а я?)*; *на что следует заготовленное: «Про тебя-то и забыли»*. Аналогично: *Расшифруй КОЛЯ (-? — Корова Отеллилась Летом — А «Я»? — А ты зимой)*. Другой «классический» пример: *А и Б сидели на трубе, А упало, Б пропало, кто остался на трубе? (Осталось И: = А, И, Б сидели на трубе...)*.

Обыгрывание омонимии слов и предложно-падежных словосочетаний: *От чего утки плавают? (От чего? — От берега?)*; *Почему Ленин ходил в ботинках, а Сталин — в сапогах? (По чему? — По земле)*; *Сидел в тюрьме 10 лет, ел только хлеб сухой, но не умер. (Хлеб с ухой)*; *Давай поспорим, что не перекинешь через грядку огурец соленый. (Огурец с Аленой.)*

Обыгрывание других типов омонимии: *Ехал поезд, все спали, только машинист не спал. Как звали машиниста?*

(*Анатолій — Толька-машинист*); *Что делал слон, когда пришел Наполеон?* (*Ел траву — на поле он*); *Воз пряников в род лодской (род / рот)*; *На балконе ходят?* (*На балконе — на бал кони*); *Поля кипели соловьями, / поляки пели соло в яме; На-ко, пей, кучер Нил, / на копейку чернил*. Популярная в школьном фольклоре форма обыгрывания словосочетаний — ребусная, например, фраза *порточки сторожа лопнули* изображается последовательным рядом рисунков: пар, точки, цифра сто (100), рожа, лоб, нули: фразу *Христофор Колумб — путешественник* представляют рисунки: крест, топор, колун, пятью шесть (5х6), веник.

Широко известны метатексты с ассоциативными сближениями слов (частей слова) по звучанию: *Амстердам тебе в Глазго и Душанбе вон* и звуковая имитация иноязычных фамилий: *Тояма, Токанава; Где Пье, Там Блюе; Стамеску, Рубанеску*.

ИГРА С РИФМАМИ. *Скажи: на бане чайник. — На бане чайник! — Твой отец — начальник*³ (из детского фольклора). Неоправданное ожидание рифмы: *Скажи: на бане чайник. — На бане чайник. — Лупил я тебя на колокольне. — Ну и не складно!* (провоцируемая фраза) — *Зато высоко и прохладно* (заготовленный ответ).

ИГРОВАЯ АББРЕВИАЦИЯ МНЕМОНИЧЕСКОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ порождает такие метатексты: *Каждый охотник желает знать, где сидит фазан (Красный, Оранжевый...), Иван родил девочку, велел тащить пеленку (Именительный, Родительный, Дательный и т. д.)*.

«Говорящие» аббревиатуры-анаграммы: *ГОРБАЧЕВ — Готов Осуществить Решения Брежнева, Андропова, Черненко, Если Выживу*.

Инициальная аллитерация — метатексты, в которых слова начинаются на одну букву. Самой яркой иллюстрацией данному приему является знаменитый нескончаемый текст: *«Отец Онуфрий, обходя окрестности Онежского озера, обнаружил обнаженную Ольгу. «Отдайся, Ольга, озолочу...»* и т. д., бытующий у нас в многочисленных вариантах⁴.

Подобные приемы народной лингвистики бесконечны по количеству и разнообразию⁵. Лингвистам-лексикографам еще предстоит собрать обыденные метаязыковые произведения, опубликовать хрестоматии и энциклопедии лингвистического творчества народа, а перед лингви-

стами-теоретиками стоит задача описать их в различных аспектах⁶.

В настоящей работе очерчивается одна — в сущности поверхностная — область игровой «продукции» обыденного метаязыкового сознания. Мы рассматриваем игровые речевые произведения, объектом или средством которых выступают языковые единицы, называемые нами термином табуизмы. Под ними мы понимаем то, что обычно называют сейчас бранной лексикой, неприличными или непечатными словами и выражениями, а раньше звали запретными или потаенными словами. Мы не считаем важным вдаваться здесь в терминологическую дискуссию. На темы брани сейчас написано немало работ самого разного содержания (см., напр.: Блинов, Шевелев 1997; Буй 1995; Голев 2000в; Жельвис 1997; Зорин 1996; Колесников, Корнилов 1996; Муратов 1993). Ограничимся лишь пояснением нашего выбора термина с позиций заявленного аспекта описания — обыгрывания языковых единиц.

Главная причина выбора связана с тем, что табуизированность — ядерный функциональный признак такого рода слов и выражений⁷. Наличие табу и возможность выйти за табуистические рамки — мощный стимул для игрового отношения к нему, ибо игра всегда предполагает некую оппозицию нормативности, ее разрушение и создание на этой основе второго (эстетико-игрового) плана содержания. Скажем, балагурство, шутливое рифмование и другие приемы речевой игры (см., напр.: Земская 1983), разрушая нормативную форму (типа *балкашка* вместо *колбаска*) и через это — обыденное знаково-информативное употребление языка, вводят его (язык) в фатическое пространство. Актуализация формальной стороны языковой единицы предполагает активность метаязыкового сознания, поскольку в обычных условиях присутствие звуковой (формальной) стороны высказывания не актуализируется, равно как обыкновенно не актуализируется метаязыковое сознание. Речевое воплощение метаязыковых рефлексий порождает метатексты, объектом которых становится сам язык, те или иные свойства и компоненты языковых единиц (см.: Ростова 2000).

Табуизмы по этой причине — носители наиболее мощного потенциала игрового функционирования, так

как их нормативность носит условно-запретительный характер, условность же запрета — сильный раздражитель для игровой «атаки» со стороны автора игрового речевого произведения и сильный маркер присутствия второго плана для его адресата. Второй план текста создается актуализацией в языковом сознании внешней и/или внутренней формы обыгрываемой единицы как носителя особого рода значимости⁸. Эта значимость при обыгрывании табуизмов усиливается эффектом эпатажа, этической (и этикетной) дерзости, пробивающей границы нормативности. Здесь уместно опереться на понятие карнавальности М.М. Бахтина, в которой «целый мир смеховых образов противостоял официальной и серьезной культуре» (Бахтин 1986: 294).

Конкретным же признаком табуизированности слова для нас является его «непечатность» — в частности, отсутствие таких слов в известных толковых словарях русского языка и в различной официальной печатной продукции, предназначенной для широкого круга читателей; в ряду признаков «непечатности» находится и стремление избежать прямой графической передачи их полного звучания в официальных изданиях, причем в этой сфере выработан широкий диапазон способов уклонения: от полных купюр до транслитерации на латинский алфавит (последнее часто используется в научных изданиях). Мы не считаем нужным уклоняться от полных русских написаний табуизмов (это обусловлено научной направленностью публикации), но в случае приведения «игровой пары», членами которой являются созвучные друг с другом табуизм и нормативное слово, приводим только последний, полагая, что первый легко «вычисляется» носителем русского языка.

Разумеется, причин, по которым табуизмы становятся активным объектом обыгрывания, гораздо больше, чем причин, названных нами. Среди них и семиотические, и психологические, и социальные причины. Их анализ — самостоятельный предмет исследования. В совокупности они образуют достаточно значимый узел функционирования русского языка, причем не только в его обыденной разновидности⁹. Далее станет видно, что, в сущности, нет ни одного русского табуизма, который бы «не испытывал-

ся» на возможность его включения в звуковой план нормативных синтагм. И наоборот.

Мы ограничиваем наш очерк собственно языко-игровым аспектом конкретного материала¹⁰. И далее в «игрологическом» ключе представляются наиболее характерные тактики и приемы обыгрывания русской табуистической лексики и фразеологии, включенные в метатексты разного функционального содержания: лингвистические задачи, загадки, шутки, поговорки, прибаутки, анекдоты, «продукты» балагурства, словесного озорства (нередко на грани с речевым хулиганством), имитации стихотворных текстов и т. п.

Инвариантная игровая стратегия обыгрывания табуизмов связана с ассоциативным сближением табуизма и нормативной единицы; в большинстве случаев исходным пунктом такого сближения является их формальная близость, на основе которой осуществляется наведение специфического смысла на игровое речевое произведение, ср., скажем, известные поговорки *мать моя женщина, эфиоп твою мать, япона мать, едрёна вошь, раздолбанный, блин, ёлки-палки, ё-кэ-лэ-мэ-нэ, ешкин кот*. Разумеется, основная функция здесь фатическая: по-видимому, ничего, кроме игры (балагурства, ёрничества, речевого озорства) в таком сближении в большинстве случаев нет.

Оно (сближение) осуществляется разными способами. Говоря о различии способов, прежде всего следует иметь в виду два пути создания игровой двуплановости: 1) единица предъявляется как нормативная и далее тем или иным способом из нее выводится скрытый (скрываемый) табуизм (*у тебя ж опыта больше — у тебя жопы-то больше*); 2) единица предъявляется как табуизм, но «выясняется», что предполагался нормативный смысл (*как из гардероба показалась жо... — Ах, что?! — Да ничего: желтая рубашка!*). В последнем примере поэтапно эксплицировано всё игровое действие: актуализация (посредством рифмы) в сознании адресата табуизма → «эпатажная реакция» на него → «предъявление» нормы → осмеяние сконфуженного адресата.

Реализация игровых тактик предполагает широкие речевые средства создания двуплановости: во-первых, это различные структурные приемы¹¹ игровой актуализации формального плана табуизма или нормативного слова (о

них в основном пойдет речь далее), во-вторых, это функционально-речевые приемы, связанные с интонацией, паузацией, мимико-жестовым поведением.

Совпадение по звучанию нормативных слов с табуизмами (или их омонимами, паронимами и эвфемистическими эквивалентами) типа *хрен*, *суконка*, *яйца*, *просрачивать*, *описывать*, *писец* и др. регулярно обыгрывается в народной речи *хрена до хренá* (*ни хренá*), *запиши хер да еще маленько*; *зимой обледенели*, *весною распустились*; *в зобу дыханье спернуло* и т. п.; ср. более сложный игровой контекст: *Везет мужик яйца, видит — навстречу другой мужик, везет дерн. Он ему и говорит: «Мужик, дай дерну за яйца».*

Линия осложнения в структурном плане логично приводит к омонимии словосочетания и слова — один из любимых стимулов для создания игровых метатекстов с участием табуизмов. Часть последних, несомненно, «услышана» носителями языка в обычной речи, другая (большая) часть специально созданных синтагм, в которые нарочито встраивается неприличная лексика и фразеология. Степень близости звучания в приводимых далее примерах разная. *И битвою мать-Россия спасена*; *И биться сердце перестало*; *Хор мальчиков и Бунчиков*; *Я и Буся под столом*; *И бу...*, *и бу...*, *и бусы подарю*; *Гетры и бутса*; *Бежит бабка за ей — банка*; *У Зои банки были*; *Ужо пылится*; *Ужо поподсохнет* — гулять вы пойдете, *У тебя ж опыта больше*, *Спереди нас рать*, *сзади нас рать*; *Мужик с раной*; *Со сранья*. *Ах, у дуба, ах, у ели*; *Уху ели?* — Ну что по бабам? — Да мне недосуг (*не до сук*); — *Мандаты без даты!* — Сам ты манда, сам ты пизда!; *Запись дела*; *Сидит за лутой*.

Несколько сложнее синтагмы в метатекстах: *Вышел месяц на балкон, там засеребрился. Кто остался на балконе, когда месяц скрылся?* (*Засеря брился*); *Знак ГАИ, изображающий два круга. Что это?* — *Дорога раздвояется* — произносится *раздвойца* (*два яйца*). Отдельно выделим омонимическую аттракцию двух словосочетаний. «Каламбуры этого типа, — пишет В.З. Санников, — редки¹², поэтому приведем и один достаточно смелый: “Ах, у Веры, ах у Инбер что за глазки, что за лоб! Все глядел бы, все глядел бы на нее б” (К. Симонов?)» (Санников 1999: 289). В романе-анекдоте В. Войновича о солдате Чонкине обыгрывается строка из песни «*Как увижу, как услышу...*», которую один из персонажей слышал как «*Каку*

вижу...». Из наших примеров: *Во маху я по колено, мы б с днем, мы б с днем (бзднем) весенним не расстались: нас ра..., нас ра..., нас радует весна.*

Заключительная часть последнего примера иллюстрирует прием, пользующийся в народе большой популярностью при обыгрывании табуизмов. Мы имеем в виду метатексты стихотворного типа, провоцирующие ненормативное понимание речевого произведения. Провокация заключается в игровой подсказке, заключающейся в актуализации начала или конца фразы неприличного выражения, которая в итоге оказывается «приличным».

Нога в но... нога в но..., нога в ногу шагом мари! (слышится: *на гавно*); *Ах уе..., ах уе..., ах уехал милый*; *Маху я, маху я маху я давала*;

Не манди..., не манди... Неман — дивная река!;

*Нас рано, нас рано мама разбудила,
с раками, с раками супом нас кормила.*

Несколько иной (провокационный) вариант такого типа обыгрывания уже рассматривался выше: *Пальцем в жо... пальцем в жо... пальцем в желтое кольцо*; *Во фраке до самой сра... сразу потемнело вдруг*. В таком ключе может быть создана целая картинка, например, «В зоопарке»: *Перед вами, дети, утка, она большая прости... простите, дети, она маленькая*.

Перед вами дети слон, он огромен и силен, у него, как у китайца, выросли большие я... Яшка, отойди от клетки!; «На палубе»: *На море поднялась большая качка, матросов сразу прохватила сра... сразу видно, что неопытные моряки*; *На палубу вышел фронт во фраке, все пуговицы до самой сра... сразу видно, что американец*, и т. д.; «В избе»: *Папе сделали ботинки, не ботинки, а картинки. Папа ходит по избе, лупит дочек по ту... папе сделали ботинки...*

Во многих нормативных синтагмах табуизм «проходит» в восприятии ассоциативно, слышится как бы «фоново» (хотя нередко, впрочем, нарочито настойчиво). В данном приеме эксплуатируется явление, которое можно квалифицировать как ассоциативные нормы русского языка, которые представлены в русском языке не только свободными ассоциациями, опирающимися прежде всего на смысловые связи, но и ассоциациями формальными и/

или формально-семантическими. Нормативность (не в смысле «легальности», а в смысле «узуальности»¹³) последних очевидна. Прозрачна, к примеру, внутренняя форма эвфемизмов *зашибись*, *задолбать* и *гребанный*. Русский человек без специального наведения понимает (чувствует) некую двусмысленность названий рыб *хек*, *бельдюга* или *протипома* (в народной фонетике: *простипома*). В этом же интерпретативном поле находятся уже приводимые примеры типа *просрачивать*, *описывать*, к ним: *засланцы*, *академическая гребля* и т. п. По этой же причине не проходят мимо внимания, прямого или фонового, носителей русского языка (не только записных остряков), скажем, фамилия чемпиона мира по шахматам среди юношей китайца *Ни Ху Я*, фамилия одного из олимпийских чемпионов по прыжкам с трамплина *Цалкаломанидзе*, название реки *Серт*, аббревиатура *СРЯ* (*современный русский язык*). На ассоциациях с табуизмами строятся «говорящие собственные имена» типа дядюшка *Жо* или *ЖПО* (рубрика в «Комсомольской правде»). Многократно обыграна приписываемая А.Г. Лукашенко фраза с белорусским акцентом: *я парламент перетрахивал и буду перетрахивать*. Не требуют растолковывания анекдоты со звуковыми намеками типа *Влюбленные не выговаривают звонкие согласные: он вместо г говорит к, она вместо з — с. Договорились поправлять друг друга. «Как из задy пахнет», — говорит она. «А ты не выговорила», — поправляет он*. Не обходятся без такого рода обыгрывания иноязычная лексика типа *пассаж*, *какофония*, *пердуративные* глаголы, лат. *hujus* (род. пад. мест. *hic*), *bleiben*, устойчивого оборота *nach her ist jeder klug* (примеры из студенческого филологического фольклора), нем. *herr* (*хер Мюллер*), англ. *who* (ср. знаменитое *кто есть ху?* М.С. Горбачева) и т. п.

Вообще вопрос о нормативности ассоциаций входит в более широкий контекст — устойчивого места «запретной» лексики в коммуникативном существовании человека¹⁴. В этом плане интересно образование особых символов табуистичности — звуко-символизмов и буквосимволизмов типа БЛ (*бляха-муха, блин*), ё (*ёлки-палки, ёлки-моталки, ё-моё, ё-ка-лэ-мэ-нэ, ёшкин кот*), Х (*хрен, а ху-ху не хо-хо*, ср. также потенциал скабрёзности у слов типа *хобби* или *хобот*, реализуемый во многих анекдотах.

Ассоциативное сближение вкупе с омофоническим преобразованием (при функционировании в письменной форме) ярко характеризуют игровые речевые произведения *оскорблядь*, *вчера мы с братом облевались* (вместо *обливались*), *каловращение*, *обляденеть* (вместо *обледенеть*), *вездессущий кот*, *поссаж*, *херомантия*. Из школьного фольклора, навеянного уроками истории: *Мой вассал твоему вассалу в рот вассал*. «*Ты не захирел, ты захерел*» — надпись на столе в студенческой аудитории. Примеры омофонического обыгрывания табуизмов с некоторой переделкой нормативной единицы: — *Что имеешь в виду?* — *Что имею, то и введу; Пока ссут да дело*.

На ассоциировании строятся игровые метатексты, нарочито наводящие на табуизмы типа широко распространенных каламбуров: *эфиоп твою мать; японка мать* или каламбура Н. Фоменко, озвученного на «Русском радио»: *не учи отца и баста!*

По ассоциативному принципу создаются тематические метатексты, как, например, следующий «музыкальный» текст: *Встал утром, во рту Паганини, в ушах Шуман, закусил Мясковским в Сметане, выпил Чайковского, в животе началось Пуччини, вышел на Дворжака, вступил на Глинку, Бах! — могучая кучка Гуно!, подтер Шопен Листом и т. д.*

На ассоциативный слух рассчитаны фразы и стихотворные тексты со встроенными табуизмами типа: *и на Я бывает, и на Ё бывает (наёбывает)*;

*Себя от холода страхуя, купил доху я на меху я.
Купив доху, дал меху я — доха не греет ни хуя.*

В ассоциативном ключе обыгрываются иноязычные фамилии: на чайную конференцию собрались китаец *Сунь Хуй (в) Чай*, вьетнамец *Ивьнь Су Хим*, кореец *Пей Сам*, а на алкогольную — турок *Обрыгай-углы*, румыны *Стамеску* и *Рубанеску*, французы *Где Пье* и *Там Блюе* и т. д.

Игровой потенциал табуизмов усиливает актуализация их морфемной (или псевдоморфемной¹⁵) структуры, включение их в деривационные модели¹⁶. Например: *Что общего и различного у херувима и парикмахера. — У обоих есть хер, но у херувима он впереди, а у парикмахера сзади; Самое хорошее ругательство — небоскрёб: во-первых, многоэтажно, а во-вторых, на конце ёб*. Из школьного фольклора: *Какой суффикс в слове «учёба»? — Повелительное наклонение образовывать*

умеешь? — ?? — Ну вот, например, зимовать — зимуй, нарисовать — нарисуй. А теперь попробуй сам, я начну, ты продолжай вслух: заштриховать — заштри..., застраховать — застра..., не сплеховать — не спло..., (за)ховать — ... . Наводящее членение такого же типа в провокационной шутке: Я болею раз пером, он болеет — два пером, ты болеешь — ... (**трипером**). В студенческой филологической среде бытует такая шутка: Как по-старославянски будет ворота, знаешь? — Врата! — А ворона? — Врана! — А сорока? — ...!

Как представляется, жаргонный глагол *заколебать* («надоест») появился не без ощущения его «псевдоморфемной членимости».

В следующих примерах содержатся попытки подвести псевдочленение под некий смысл:

— Когда Цезарь перешел реку Тибр, у него украли одежду. Отсюда пошло выражение «**стибрили**». — Скажите, Сан Саньчи, а у города **Пизы** Цезарь никогда не останавливался?

Из студенческого фольклора филфака (граффити на столе): Пиво пенистое — пиво *penistoe*.

Членение и одновременно словообразование (усечение по аббревиатурному способу) представлено в примерах: в Латвии — латы, в Литве — литы, в Херсоне — ...; В Москве — Мосрыбы и Мосмясо, в Николаеве — Нирыбы, Нимьяса, в Херсоне — Херрыбы и Хермяса. «Телескопическое словообразование» (наложение, контаминация по типу *ситалл* — соединение стекла и кристалла) находим в примерах: симбиоз кибернетики и кинематики — **кибениматики**; дует, дуэт ветерок, ветерок, носит, носит **грипперок**, **грипперок**; скоμμуниздили, леблядь, мухуй (самец мухи).

Аффиксальное словообразование: — Что такая грустная? — Да так, взгрустнулось. — А что такая бледная? — Да так, **взбледнулось** (с прозрачной омофонией). То же на фоне формообразования: Сухой закон бляду, блял и бля буду.

Деривационное развитие табуизмов исключительно активно и разнообразно, в него втянуты и продуктивные и непродуктивные модели, и это имеет прямое отношение к языковой игре:¹⁷ *мудозвон (пустозвон), пиздобол (балабол?), намудохаться, Пиздосья Ивановна (Федосья?), Суходрищенск, мандавошка, пиздобратья, опизденеть, тряхомудия, хуетень, распиздон и т. п.*¹⁸. Они широко представлены в фольклоре: *Шел я лесом, видел беса, бес обедал у блядей, ел пиздятину с горо-*

хом и жаркое из мудей; Эх, милка моя, платье тюлевое, по морозу босиком запиздоривала; Ветер в харю, я хуярю, На высокую рябинушку / Залез папаша мой, / Подломилась рябинушка, / Хуякнулся родной.

Такая деривационная активность иллюстрирует некоторые черты языкового поведения носителей русского языка, отмеченные В. Набоковым, который говорит о «лингвистической склонности русских вытягивать слово до предела ради эмоционального эффекта» (см. об этом: Голев 1998б: 8). Для иллюстрации этого наблюдения писателя укажем продуктивность (в сущности, открытость) модели рифмования с табуизмом, выполняющего функцию балагурства: *Все бы тебе смехуечки; Чашки, банки, всякие там ... хуянки; холодрыга-хуедрыга, хуйня-муйня, хуё-моё* и т. д. и т. п.

От морфемике и словообразованию перейдем к фонетике и графике табуизмов. «Переходный пример» из школьного фольклора:

— Придумай слово, чтоб в начале было шесть согласных подряд. — ?? — **Взбзднуть!**

Постановление ЦК: *исключить из фамилий членов ЦК непопулярные в народе буквы: рычащие и шипящие. Проголосовали «за» — большинство. Воздержались Хрущёв и Щербицкий.* Подобным образом скучающие на уроках физики ученики вымарывали из фамилий авторов учебника *Пёрышкина* и *Крауклиса* «лишние» буквы, оставляя лишь *пёрни в лист*.

«Аббревиатура-акrostих»: — Ваше ФИО? — ХУЯ! — ?? — Харитоновна Ульяна Яковлевна!

Омонимия букв: *После банкета по случаю защиты диссертации диссертант-математик возвращается домой и в лифте на стене видит надпись, читает: Икс, Игрек, и-краткое. Удивляется: «Хуйня какая-то!»*

Ср. известный эвфемизм: *послать на три буквы.*

Звукоподражание, звукопись. Например, речевые произведения со звучанием «на японский манер»: *Херувима херовата; Коси сено, сука, сам.* «Музыкальная картинка»: *Муж, бреясь, напевает: «Па-ра-па-ба-бам, па-ра-па-бабам» (попа по бабам). Жена, красясь, отвечает тем же: «Та-та-рам да-рам-дам... Та-та-рам да-рам-дам» (татарам даром дам).*

Исключительную регулярность и разнообразие обнаруживает в фольклоре рифмование табуизмов, представля-

ющее собой косвенное обыгрывание. К уже приведенным примерам добавим еще несколько: *Хуёв как дров; Ехал на ярмарку Ванька-холуй, за три копейки показывал хуй; Листья дубовые падали с ясеня — вот ни хуя себе, вот ни хуя себе; Шеф приехал к нам в колхоз на зеленом дизеле, ничего не заработал, а фуфайку спиздили; «Дели» набздели, «Дукат» виноват* (подростковый фольклор 50-х годов. «Дели» и «Дукат» — марки папирос); *На пердёж — рыба ёри, на харчок — чебачок, а на ссаки — рыбы всяки* (подростковый рыбацкий фольклор).

Широко бытуют в народной речи рифмованные «эхоматы»¹⁹: — *Что? — Хуй через плечо!; — А? — Хуй на!; — Куда? — К мерину под муда!* Эпатажная специфика «эхоматов» хорошо видна на фоне более нейтрального балагурства: — *Куда? — На кудыкину гору!; — Где? — У тебя на бороде?; — Почему? — По кочану!; — Кто? — Дед Пихто!*

Отдельно отметим эвфемистическое рифмование «с намеком»: *чудак на букву М* (кинофильм В. Шукшина «Печки-лавочки»); *Ты не звезда, ты рифма к слову звезда.*

Палиндром — побуквенное чтение с конца к началу: *Улыбок тебе пара.* Надпись на столе в студенческой аудитории: *Завлаб Ия* (читай наоборот).

Таким образом, мы представили очерк разнообразных приемов обыгрывания русских табуизмов в народной речи определенного типа — обыгрывания, отгалкивающегося от актуализации внешней формы табуизма. Этот очерк явно не исчерпывает всего игрового пространства, в которое втянута табуистическая лексика и идиоматика. Заслуживают отдельного описания способы актуализации внутренней формы табуизмов (особенно идиом). К ним относятся различные способы импликации (эвфемизмы, намеки, неоправдавшееся ожидание²⁰, снятие идиоматичности — перевод идиомы на «буквальный язык», амфиболические тексты²¹ и многое другое) и, напротив, способ перенасыщенной экспликации²². Во всей своей совокупности описания такого рода способны раскрыть потенциал игрового функционирования русского языка в его бытовой (но и не только) разновидностях.

¹ Метаязыковые речевые произведения (метатексты) имеют в своих целевых установках сам язык или речь, их единицы и их свойства. Тем самым они в той или иной мере или тем или иным образом ставят их автора в позицию лингвиста.

² Народные шутки, загадки, словесные игры, балагурство, предмет которых является языковая форма (оборот, слова, части слова, ассоциативные связи), развивают языковое эстетическое чувство носителей русского языка и возбуждают гносеологический интерес к нему как уникальному социальному и природному феномену.

³ Для автора до сих остается загадкой, почему заключительная фраза предьявлялась и воспринималась как обидная.

⁴ По этому принципу создаются целые произведения, таков, например, «Ольгин Остров» (см.: Кутьяпов 1996). Впрочем, этот прием хорошо известен, его использовал Н. Носов в своих рассказах для детей. В литературном альманахе «Гречиха» в рубрике «Альтернативные литературные опусы» (г. Барнаул) опубликован «опус» И. Панаева «Наводнение, ниспосланное нам», в котором все слова начинаются на букву «н». Приведем его фрагмент: *На набережной несуществующей Невы Нестора назвал незнакомец. — Нестор Никодимов? — начал незнакомец. — Нет, — нахмурился Нестор. — Но-но, не надо наглеть, — наставленный наган насторожил, но не напугал Нестора* и т. п.

⁵ Укажем, в частности, такие источники, как анекдоты, основанные на обыгрывании языкового материала, представляющие огромный пласт лингвистического фольклора, и словесные игры типа балды или виселицы, широко бытующие в народной лингвистике.

⁶ Хотелось бы заметить, что в других научных дисциплинах такая работа делается: например, нам известны собрания народных задач по математике (*летела стая гусей...*), есть задачи по логике (напр., *что тяжелее: пуд соломки или пуд железа* и т. п. (см., напр.: Олехник, Нестеренко, Потапов 1988). Народно-лингвистический «задачник» более или менее регулярно представлен лишь скороговорками и некоторыми видами народно-поэтического творчества (см., напр.: Бахтин 1988).

⁷ См. обоснование этого в нашей работе: Голев 2000в.

⁸ О лингвистической сущности языковой игры и данного признака, в частности, написано уже немало лингвистических работ, напр.: Баранов 1994; Голев 2000б; Голев 1998а; Голев 1998б; Гридина 1986; Девкин 1986; Земская 1983; Норман 1987; Санников 1999.

⁹ См. о функционировании табуизмов в прессе, художественной литературе и телевидении и расширении его сферы: Баранов 1994; Голев 2000в; Зорин 1996; Муратов 1993.

¹⁰ Материал собирался нами естественным образом (в значительной части — по памяти: из подросткового периода в рабочем поселке Тальменке Алтайского края, из студенческого периода — в г. Томске, в значительной мере его составили наблюдения «из жизни» — в основном в Алтайском крае). Конечно, в число примеров попали не только «чисто» народные игровые речевые произведения, что, на наш взгляд, не противоречит исходным установкам статьи, так как ее основной аспект не предполагает

высокой степени «чистоты» языкового материала с точки зрения его происхождения и сферы бытования. Такая точка зрения составляет отдельный предмет исследования табуизмов.

¹¹ Уместно отметить, что система игровых приемов такого рода в поэзии подробно представлена в работе Г. Грюммера (см.: Grummer 1995).

¹² С утверждением об уникальности таких каламбуров трудно согласиться, см. нашу статью (Голев 2000а).

¹³ Ср.: САНРЯ 1977. О природе формально-семантических ассоциаций, в том числе и о факторе узуальности см.: Голев 1996; Голев 1998а; Голев 1998б; Гридина 1984; Девкин 1980; Девкин 1986.

¹⁴ Это место, конечно, более существенное, нежели оно выглядит в нормативных словарях и прошедших цензуру текстов. Коммуникативные фрагменты (см.: Гаспаров 1996), образуемые табуизмами, своеобразны и значительны, это реальность языковой обыденной ментальности носителей русского языка. Достаточно указать на легкую «угадываемость» в коммуникативных контекстах табуизмов, обозначенных купюрами, большинством носителей русского языка, не говоря уже о купюрах, поддерживаемых маркерами актуализации: ассоциациями, интонациями эпатажа, рифмами (*ты не звезда, ты рифма к слову звезда*) и т. п. Это обстоятельство — важный аспект игрового функционирования табуизмов. Несомненно, что в русской обыденной ментальности табуизмы образуют и особую концептосферу (см.: Лихачев 1993), и коммуникативные фрагменты (см.: Гаспаров 1996), подлежащие конкретному изучению.

¹⁵ Данный прием лежит в основе игры «Почему не говорят?» (Почему не говорят: «Пес зимы»? — Потому что говорят: «Кот лета»), описанной в: Красильникова 1972.

¹⁶ Подробное описание деривационных моделей в сфере русской табуистики содержится в: Rammelmeyer 1988.

¹⁷ Тема «Языковая игра и словообразование» хорошо представлена в литературе. См., напр., об этом: Голев 2000б; Гридина 1996; Земская 1983; Норман 1987; Санников 1999.

¹⁸ Подробнее см.: Rammelmeyer 1988.

¹⁹ Кстати, есть такой шахматный термин.

²⁰ Особенно характерны для фольклора загадки типа «Маленький мальчик, под подол заглядчик», отгадка — порог; «Между ног болтается, на “х” начинается», отгадка — хобот.

²¹ Ср. коммуникативный метатекст со встроенными двусмысленностями. *Учителю, имевшему привычку, потеряв палец о стол, похлопать его, бурсаки перед уроком намазали стол дерьмом. Он начинает урок: Наша вера... (нюхает, после чего говорит в сторону: чем-то пахнет), а наш бог... (сущее говно!). У Екатерины Второй родился сын... Иванов? Твоя работа? — Нет, Петра Первого!*

²² Ср. монолог: «Я ни хуя, ни хуя, но если ебана в рот, то ну его на хуй!»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Баранов 1994 — Баранов А.И. Язык как игра: жаргон и превращенная реальность // Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60 — 90-х годов. Опыт словаря. М., 1994.

Бахтин 1986 — Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Бахтин 1988 — Бахтин С. От былин до сказок. М., 1988.

Блинов, Шевелев 1997 — Блинов В.А., Шевелев Ф.А. Русский народный мат: Толковый словарь. Екатеринбург, 1997.

Буй 1995 — Буй В. Русская заветная идиоматика. М., 1995.

Гаспаров 1996 — Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Голев 1996 — Голев Н.Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Известия Алтайского государственного университета, № 2: Серия филологии, журналистики, истории, социологии, педагогики, юриспруденции, экономики. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996.

Голев 2000а — Голев Н.Д. Омфонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 2. Синтагмовые омофоны // Известия Алтайского госуниверситета. Сер.: История. Философия и педагогика. Филология. 2000. № 4.

Голев 2000б — Голев Н.Д. Русский анекдот как игровой текст: внутренняя форма и содержание // Человек — коммуникация — текст. Вып. 4 / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000.

Голев 1998а — Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношений с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах / Под ред. Н.А. Лукьяновой. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998.

Голев 1998б — Голев Н.Д. Экспрессивное функционирование внутренней формы русского слова в тексте // Культура и текст. Литературоведение. Часть 1 / Под ред. Г.П. Козубовской. Санкт-Петербург; Барнаул, 1998.

Голев 2000в — Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000.

Голев 1995 — Голев Н.Д. Языковая игра как прием обучения грамотному письму // Преподавание словесности в высшей и средней школе. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995.

Гридина 1984 — Гридина Т.А. О характере смысловых ассоциаций // Этимологические исследования: Сборник УрГУ. Свердловск, 1984.

Гридина 1996 — Гридина Т.А. Языковая игра: стереотипы и творчество. Екатеринбург, 1996.

Девкин 1980 — Девкин В.Д. Возникновение слов и фразеологизмов на базе частичного языкового подобия // Вопросы лексикологии немецкого и французского языков. М., 1980.

Девкин 1986 — Девкин В.Д. Псевдоэкспрессия // Общие и частные проблемы функционирования стилей. М., 1986.

Жельвис 1997 — Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Земская 1983 — Земская Е.А. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.

Зорин 1996 — Зорин А.Л. Легализация обцененной лексики и ее культурные последствия // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. М., 1996.

Колесников, Корнилов 1996 – *Колесников Н.П., Корнилов Е.А.* Поле русской брани: Словарь бранных слов и выражений в русской литературе (От И.С. Баркова и А.С. Пушкина до наших дней). – Ростов-на-Дону, 1996.

Красильникова 1972 – *Красильникова Е.В.* «Почему не говорят?» // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членность слова. М., 1975.

Культяпов 1996 – *Культяпов Н.* Ольгин Остров. Нижний Новгород, 1996.

Лихачев 1993 – *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1.

Муратов 1993 – *Муратов П.* Запретные слова // День. 1993. № 21.

Норман 1987 – *Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск: Вышэйшая школа, 1987.

Олехник, Нестеренко, Потапов 1988 – *Олехник С.Н., Нестеренко Ю.В., Потапов М.К.* Старинные занимательные игры, задачи. М., 1988.

Ростова 2000 – *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации мета-языкового сознания. Томск, 2000.

Санников 1999 – *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

САНРЯ 1977 – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.Н. Леонтьева. М., 1977.

Grummer 1995 – *Grummer G.* Spielformen der Poesie. Leipzig. 1995.

Rammelmeyer 1988 – *Rammelmeyer M.* Emotion und Wortbildung: Untersuchung zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Umgangssprache // Gattungen in der slavischen Literaturen. Köln; Wien, 1988.

Сб. статей «Злая лая матерная...». Ярославль. 2005 г. Изд-во "Ладомир". Отв. ред. проф. В.И. Жельвис. ISBN: 5-86218-423-6. С. 69-137.

О.Ю. Трыкова

О РОЛИ БРАННОЙ ЛЕКСИКИ В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В детском саде номер восемь
Раздаются голоса:
– Сука, блядь, отдай игрушку,
А то выколю глаза!

Идеализация и даже сакрализация детского возраста, а также известные идеологические установки советского периода долгое время служили препятствием к изучению не только заявленной темы, но и таких современных фольклорных жанров, как страшилки, «саdistские стишки», анекдоты, переделки-пародии и т. д. Ныне эстетическая «целомудренность» детского фольклора, который некогда пытались ограничить лишь рамками исторически сложившихся жанров, нарушена публикацией текстов и научных работ о «живых» разновидностях детского фольклора.

Гораздо сложнее обстоят дела с изучением бранной лексики, которая довольно часто встречается не только в современных, но и в «классических» жанрах детского фольклора. Распространенности употребления ненормативной и бранной лексики в разных жанрах детского фольклора, мотивировке ее использования, некоторым специфическим аспектам исполнения и собирания данных текстов и будет посвящена наша статья.

По наблюдениям специалистов (педагогов и психологов), ребенок начинает употреблять нецензурные выражения примерно с трех лет. Сначала еще не понимая их значения, но интуитивно уловив их «особую» роль в речи взрослых. Итак, уже с этого возраста мы можем отметить «эффект подражания» взрослым, уходящий, на наш взгляд, в древнейший обряд инициации. На данном этапе ребенок воспроизводит брань взрослых, еще не понимая семанти-